

Банкет подошел к концу, и большинство гостей постепенно разошлись.

Старые профессора и вовсе не могли усидеть на месте: все они толпились у выхода в ожидании машин, растеряв весь свой академический авторитет. Они с надеждой вытягивали шеи у дверей, напоминали малышей, которых родители забирают из детского сада.

Впрочем, было уже действительно поздно — банкет закончился почти в девять часов вечера.

Эти пожилые профессора уже в возрасте, и подобное бодрствование им было не по силам.

Даже обычно бодрый преподаватель Чжоу Чжэнцина сейчас точно так же с надеждой ждал у входа, напрочь забыв о любых мыслях насчет сведения счетов со стариком Чжу — в его голове крутилась лишь одна навязчивая мысль поскорее вернуться домой.

Семья Чжу организовала транспорт, и машины одна за другой увозили людей.

У входа Чжоу Чжэнцин поддерживал Старшего Гэ, стоя сбоку от главных дверей.

Рядом толпились еще несколько пожилых преподавателей из того же университета, а также профессор Фу и профессор Линь.

Посмотрев на Чжоу Чжэнцина, который придерживал Старшего Гэ, профессор Фу удивился:

— Сегодня старик Чжу неожиданно не предпринял никаких действий? Просто чудеса какие-то.

— Что ты такое говоришь, разве отсутствие неприятностей — это плохо? — стоявший рядом профессор Линь бесцеремонно шлепнул профессора Фу по руке.

— Да я же просто удивляюсь! По характеру старика Чжу оставить всё как есть — разве это на него похоже? — профессор Фу никак не мог взять в толк.

Старший Гэ, которого как раз поддерживал Чжоу Чжэнцин, услышав это, мгновенно оживился.

На его лице появилось заносчивое выражение, а в голосе прозвучало презрение:

— Тьфу! Ты думаешь, он не хотел что-то предпринять? Да если бы не этот человек, разве банкет прошел бы так мирно?

— Типичный подхалим, который силен лишь перед слабыми!

— Тьфу!

Презрение в глазах Старшего Гэ так и рвалось наружу.

— Из-за того человека из семьи Цинь? — озадачился профессор Фу.

— А кроме него, кто еще мог? — войдя во вкус, Старший Гэ стал говорить охотнее.

— Только он и способен заставить этого старого хрыча считаться с собой.

— Говорят, тот человек из семьи Цинь редко посещает приемы и уж тем-более не остается на банкеты. С чего бы ему вдруг сегодня объявиться на банкете старика Чжу?

— Неужели семья Чжу и семья Цинь затеяли какое-то крупное сотрудничество? Разве можно иначе объяснить, что он так уважил старика Чжу? — Старший Гэ окинул всех озадаченным взглядом.

— Должно быть, так оно и есть, — словно о чем-то догадавшись, профессор Фу внезапно подался ближе к Старшему Гэ.

— Тот человек появился здесь с подачи младшего сына старика Чжу. Кем работает младший сын старика Чжу, ты и сам прекрасно знаешь — наверняка тут не обошлось без совместных дел.

Старший Гэ задумчиво потрогал несуществующую бороду на подбородке и кивнул:

— Хм, похоже, намечается серьезное партнерство.

Они беседовали о Цинь Сы и еще не афишируемом крупном проекте семьи Чжу так открыто, будто вокруг никого не было, нисколько не опасаясь посторонних ушей.

Чжоу Чжэнцин бросил взгляд на окружающих: люди вокруг то и дело бросали на них многозначительные взгляды, делали вид, что случайно подбираются ближе, и вытягивали шеи.

Чжоу Чжэнцин беспомощно и легко вздохнул.

Как раз в этот момент перед ними остановилась машина, и Чжоу Чжэнцин поспешно усадил всех внутрь, пресекая любые попытки посторонних удовлетворить любопытство или вывести великие тайны.

Вернувшись в университет, все снова погрузились в привычные хлопоты.

Чжоу Чжэнцин тоже принялся заделывать последние хвосты по учебе, готовиться к преподавательской деятельности в начале следующего года, а заодно подрабатывать.

Положение его в институте было довольно особенным: по сути, учебу он завершил давным-давно, оставалось лишь уладить последние формальности.

Именно благодаря тому, что учеба была позади, университет без лишних проволочек одобрил его заявку на то, чтобы остаться при кафедре, и даже сразу выделил часы на следующий год — ему предстояло перенять курс истории древнекитайской литературы у одного из старых профессоров, что считалось неплохой практикой для новичка.

Поэтому после банкета у старика Чжу Чжоу Чжэнцин сидел в университете и почти не выходил из кампуса, если не считать редких подработок.

Чжоу Чжэнцин согласился на подработку, предложенную стариком Чжу: в его обязанности входило преподавание каллиграфии сыну нынешнего главы семьи Чжу.

Нынешний глава семьи Чжу, то есть старший сын старика Чжу, воспитывал с женой сына.

Мальчик как раз приближался к возрасту поступления в начальную школу, и задачей Чжоу Чжэнцина было обучать каллиграфии этого маленького господина, родившегося с золотой ложкой во рту.

Сегодня Чжоу Чжэнцин как раз давал урок этому юному господину в резиденции семьи Чжу.

Старик Чжу сегодня тоже оказался дома и, заметив, что сейчас время перерыва, лично заглянул в кабинет к малышу, чтобы оценить его успехи, а заодно справиться о делах своего учителя.

Когда старик Чжу вошел, как раз шел перерыв — правда, исключительно для Чжоу Чжэнцина.

В этот момент Чжоу Чжэнцин сидел неподалеку от письменного стола, попивая чай и отвечая на сообщения в телефоне.

Бросив взгляд на малыша, который старательно доделывал задание, старик Чжу расплылся в улыбке.

Он направился напрямиком к Чжоу Чжэнцину и сел напротив него.

Чжоу Чжэнцин с готовностью налил старику чашку чая.

Сделав глоток заваренного Чжоу Чжэнцином чая, старик Чжу удовлетворенно кивнул:

— Отличное мастерство.

Похвалив Чжоу Чжэнцина, старик тут же поинтересовался:

— Ну как? Привык уже здесь? Малыш ведет себя послушно?

Чжоу Чжэнцин с мягкой улыбкой глянул на сидевшего за столом с прямой спиной мальчишку, который усердно выводил иероглифы, и произнес чистым голосом:

— Сяо Си очень толковый и прилежный, все заданные упражнения выполняет вовремя, да и привычка правильно держать осанку при письме немного улучшилась.

— И вправду намного лучше стал! Теперь даже когда просто так тренируется, и то знает, что нужно машинально выпрямлять спину, — старик Чжу смотрел на мальчика неподалеку с абсолютным удовлетворением.

Малыш родился поздно и стал долгожданным новым членом семьи Чжу. До пяти лет старик нянчился с ним лично, пытаясь привить ему хорошие манеры и всесторонне развивать.

Только всё оказалось безрезультатно.

Позднее внук и вовсе перестал воспринимать каллиграфию всерьез.

Стоило начаться уроку каллиграфии, как сорванец тут же находил тысячу и одну причину: то у него тут болит, то там срочно требуется его участие — короче говоря, демонстрировал миллион поводов лишь бы не учиться.

Высидеть за тренировкой с кистью он тоже совершенно не мог и указания деда пропускал мимо ушей.

В конце концов, не найдя иного выхода, пришлось повсюду искать других мастеров каллиграфии, чтобы нанять их в качестве учителей.

Но толку от этого не было никакого.

Старик всегда знал, что Сяо Цин прекрасно владеет кистью, пишет любыми почерками и даже выработал собственный уникальный стиль.

У Старшего Гэ дома в гостиной висела работа Сяо Цина, и когда старик впервые ее увидел, то был потрясен до глубины души, поначалу даже заподозрив, что автор вовсе не он.

Позже, когда ему довелось воочию увидеть письма, написанные рукой Сяо Цина, он понял, насколько узок был его собственный кругозор.

С той самой поры он то и дело затевал с Сяо Цином разговоры о каллиграфии, обсуждая тонкости владения кистью.

А со временем в нем зародилась тайная надежда уговорить Сяо Цина обучать каллиграфии

внука.

Вот только в ту пору Сяо Цин уже завязал с подработками, так что озвучить эту просьбу старик так и не решился.

И лишь недавно он совершенно случайно узнал, что Сяо Цин снова взялся за частные уроки, после чего тут же разыскал его.

Кто бы мог подумать, что Сяо Цин согласится, да еще и сумеет разом приструнить этого домашнего деспота, перед которым все дрожали.

Старик Чжу всё же не удержался и снова бросил взгляд на внука, который чинно восседал за столом, усердно выводя иероглифы.

На его лице заиграла улыбка, а глаза светились таким довольством, что он не переставая кивал и сыпал похвалами:

— Все-таки у Сяо Цина золотые руки!

— Раньше этот малец только и делал, что капризничал и отказывался писать, кто бы с ним ни занимался — усидеть на месте было просто невозможно.

— Кто бы мог подумать, что перед тобой он станет таким шелковым и сможет просидеть столько времени! Я ведь тут уже довольно давно, а он даже не взглянул в мою сторону, усердно упершись в бумагу, — хотя старик и сетовал с показной обидой на то, что внук на него даже не глянул,

выражение его лица вовсе не соответствовало словам — в нем сквозили гордость и удовлетворение.

— Учитель... — раздался детский, самую малость капризный и липкий голосок.

<http://bllate.org/book/21854/2267131>